

Ему не хочется покоя

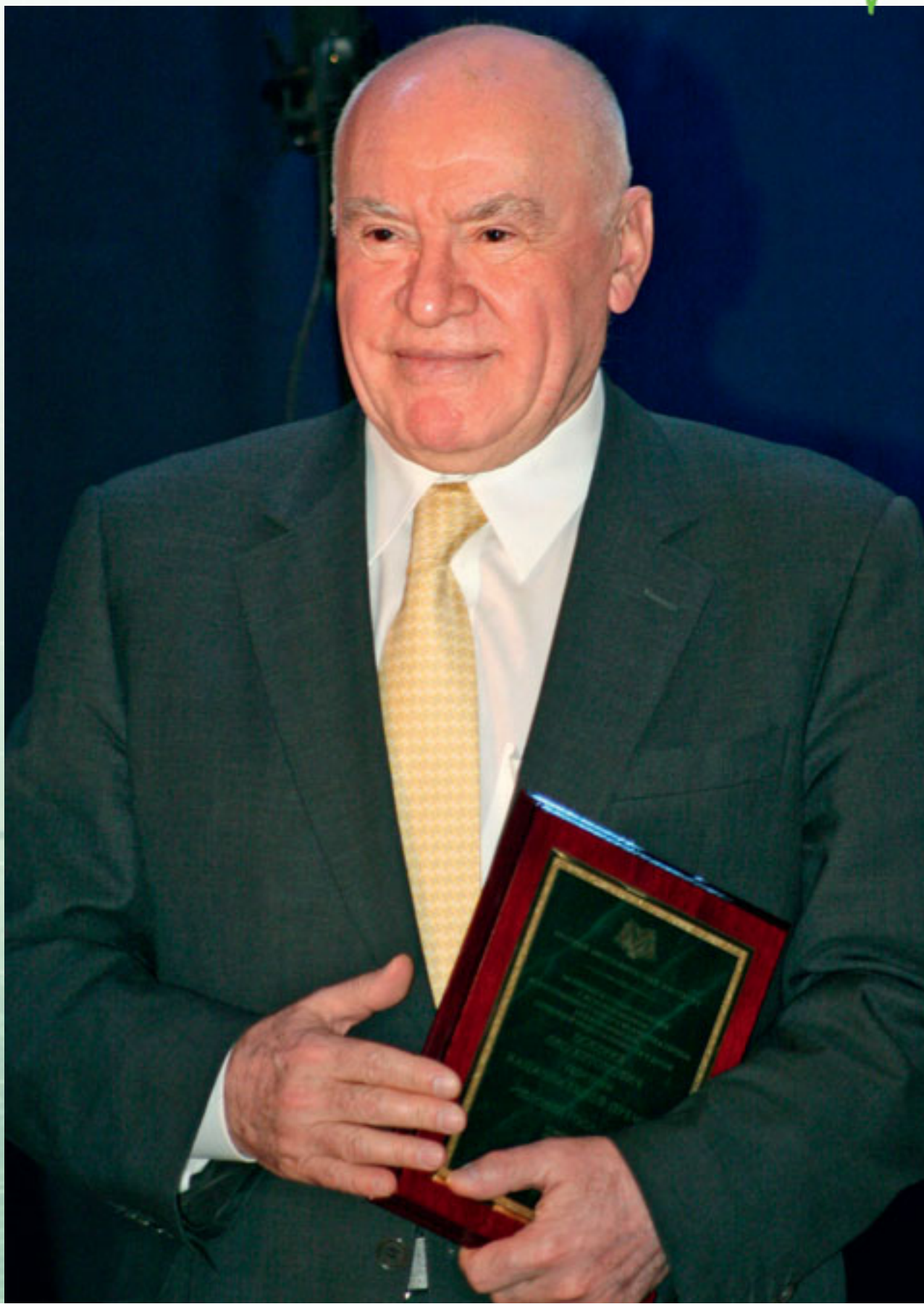

Фото: ИТАР-ТАСС / Игорь Кубединов. Вручение премии «Человек года – 2007». Москва, 13 декабря 2007 г.

Фото: Фотобанк Лори / Михаил Ворожцов

Лео Антонович Бокерия из тех людей, кого представлять не надо, — его знают все. Но, если начинаешь его представлять, понимаешь, что пространства одной статьи на это не хватит. Когда пишешь об этом

человеке, напрашивается эпитет «первый». Действительно, операции и методы, впервые апробированные им на практике, затем были успешно реализованы в клинике. Это различные операции, сделанные в режиме дистанционного управления в барооперационной, электрическая изоляция левого предсердия, денервация сердца, моделирование пороков сердца синего и бледного типов и т.д. Из новейших методов — криоабляция, фулгурация, лазерная фотоабляция, теперь широко применяемые не только в нашей стране, но и за рубежом. Лео Антонович стал пионером в использовании компьютерных методов в диагностике, моделировании патологии системы кровообращения, газообмена, аритмий. Он разработал новый метод, внедрил его и провел около 2000 операций на открытом сердце при тахикардиях. Академик Бокерия стал одним из авторов и разработчиков пилотного телемедицинского проекта «Москва — регионы России», целью которого является консультирование специалистами Центра врачей на местах с использованием всего объема диагностической информации. Сегодня в рамках этого проекта на базе видеоконференцсвязи регулярно проводятся телеконсультации, в том числе из операционной, с врачами из 16 российских регионов и Беларуси. Все это лишь скромная часть достижений, открытий и изобретений Лео Антоновича.

А сколько у него должностей! Непонятно, как может один человек, активно оперирующий хирург, директор крупнейшего Центра сердечно-сосудистой хирургии, совмещать эту работу с многочисленными общественными нагрузками. Лео Бокерия — действительный член не только РАН, но и множества иностранных академий, президент российской Ассоциации сердечно-сосудистых хирургов, главный редактор целого ряда научных журналов, член Общественной палаты при Президенте РФ, президент общероссийской общественной организации «Лига здоровья нации»... Тем более удивительно, что для Лео Антоновича все это не пустая формальность, а реальная ответственность. О том, как успевать все, не подрывая своего здоровья, как не изобретать велосипед, но изобретать многие полезные вещи, а также о том, где в человеческом сердце концентрируется любовь, и о многом другом наша беседа.

*Беседовала Наталия Лескова,
специальный корреспондент журнала «ЭС»*

Лео Антонович, почему Вы решили стать врачом? Ведь Ваши родители к медицине отношения не имели.

Это было желание моей старшей сестры Марины.

Почему сестра хотела, чтобы Вы стали врачом?

Она училась в медицинском институте в Одессе и мечтала, чтобы я учился там же. Мы могли выбрать один из двух вузов — в Тбилиси или в Одессе. В Одессу добираться было проще — на теплоходе — и дешевле, и там был не такой сумасшедший конкурс, как в Тбилиси. Я поехал туда поступать. Набрал 19 баллов из 20 и не прошел по конкурсу, хотя был медалистом.

Я, конечно, расстроился, вернулся, но не в Потю, куда мне было стыдно показываться, а в Очамчиру, и год работал на чайной фабрике. А потом один мой товарищ сказал: поехали в Москву, там столько институтов! В общем, через год мы поехали в Москву. Я в медицинский, он в юридический. Я поступил, а он нет. Правда, через год он все же поступил. И вот с того времени я в Москве. Уже почти 60 лет! Чувствую себя москвичом и другой жизни не представляю.

Легко поступили?

У меня был интересный эпизод, когда я поступил в институт. Сдавал химию. Был преподаватель — некто Овчинников, очень его ребята не любили. И он сидит напротив меня, а я ему отвечаю. Никого больше нет. Он меня вроде как не слушает, а потом говорит: если в вашей фамилии выкинуть буквы «о» и «к», что получится? Ну, я-то знал, конечно. А в это время Валентий Павлович самым страшным врагом народа избражался. Я, конечно, похолодел. А он говорит: ну, ладно, достаточно. Я спрашиваю: «А дальше? Ведь я не на все вопросы ответил». «А дальше не надо, — говорит, — идите».

И Вы пошли на негнущихся ногах...

Я вышел, честно говоря, уже не помню, как. Закурил (я курил тогда). Через какое-то время он тоже вышел и говорит: «Ну, я тебе четверку поставил».

За фамилию?

Не объяснил. Это была единственная четверка.

А бросили курить когда?

В 1980 году. У меня был такой эпизод. Я был молодой заместитель директора, и мой кабинет находился напротив кабинета Бураковского. Ма-

ленький, метров, наверное, двадцать. И все, кто проходил мимо, считали своим долгом с заместителем покурить. У меня дым столбом стоял. И вот мне позвонил товарищ из Очамчиры. «Слушай, — говорит, — посмотри человека, если можно». Ну, приехал этот человек, я его отправил на обследование, сделали все, что можно было. Он зашел попрощаться и говорит: «Доктор, знаете, я, когда к Вам шел, внизу в туалете зубы почистил, чтобы от меня табаком не пахло. А у вас здесь такое творится...» На меня это произвело жуткое впечатление.

И Вы бросили курить?

Нет, не сразу. Летом мы всей семьей поехали отдыхать в Гагры, и меня пригласили на какое-то застолье на озере Рица. Я там наелся рыбы горячего копчения и отравился. По-черному. Совсем плохо мне было. Единственное, что помню, я себе сказал: «Если выживу, то курить не буду». С тех пор не курю уже 38 лет.

А спасли меня друзья. Они приехали, когда узнали, что я лежу, взяли меня под руки, отвели в ресторан, вместе с детьми и Ольгой, и мы выпили там 15 бутылок шампанского. Я тоже очень много выпил. Бураковский непрерывно звонил. Он в это время тоже отдыхал в Абхазии.

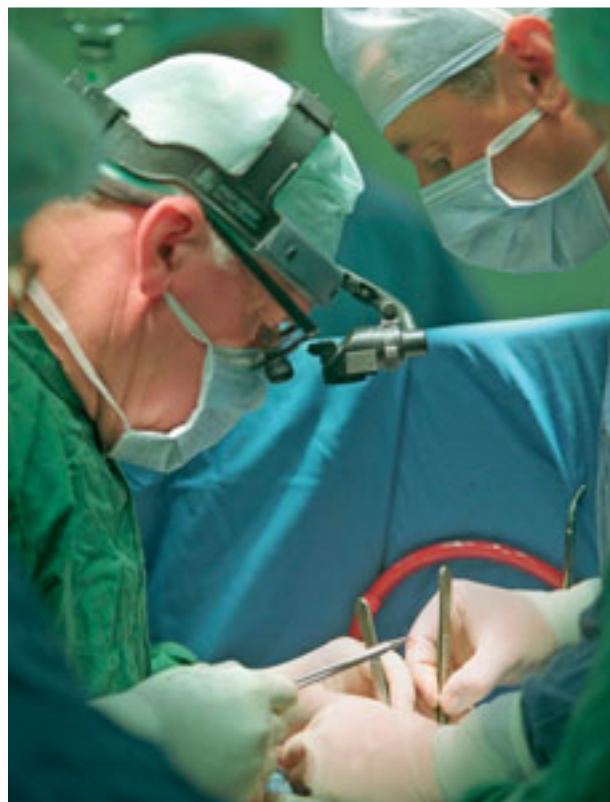

Фото: ИТАР-ТАСС / Борис Кавашкин. Директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, академик РАМН, кардиохирург Л.А. Бокерия (слева) проводит операцию на сердце. 8 июня 2004 г.

➤ Мы спасали тех, кто раньше считался безнадежным.

С симптоматикой кишечной инфекции — шампанского?! Разве так можно?

Да. И все прошло! Токсин ушел через определенные органы. Это первое. Второе: пузырьки в шампанском — очень мощный абсорбент. Именно по этой причине я пью только газированную воду. Короче говоря, назад я уже шел и пел. Вот так я бросил курить.

А поступать было страшно. Хрущев же ввел эту жуткую систему, когда медалисты сдавали экзамены на общих основаниях и только при равенстве баллов имели преимущество перед теми, у кого не было медалей. И вот я смотрю списки — а они были отдельно для школьников и для стажников, — нет меня. Думаю: ничего себе, повторяется одесская история... Потом решил посмотреть списки для школьников, где меня и быть не могло, потому что я был стажником. Подхожу — вот он я!

Вы развешивали чай?

Нет. Мы строили фабрику. Надо было, скажем, на второй этаж поднять тачку с бетоном. Там лежали шаткие доски, и по ним приходилось катить тачку. Я не мог — у меня руки не выдерживали. В итоге меня поставили на самый первый уровень.

Вам было физически тяжело?

Видимо, мой связочный аппарат не приспособлен для такой работы. Я был спортивный молодой человек — играл в футбол, баскетбол, водное поло, бегал, прыгал, — но тачки с бетоном не таскал. Ну ничего, поработал. Платили нам 27 рублей в месяц.

Этим мой строительный опыт не исчерпывается. После первого курса института нас послали работать на стройку. Тогда Москва заканчивалась улицей Кравченко, вернее, ее еще не было. Стояла 31-я больница и рядом посольство ФРГ или ГДР, точно не помню, и все. Сейчас там гостиница, которую я строил, будучи студентом. Так что Москва и моих рук дело.

Правда, сначала пришлось побездельничать. Я пришел к начальнику стройки, Герою Социалистического Труда Злобину. На меня посмотрели и спрашивают: «Плавки есть?» Я говорю: «Какие плавки?» «Вот, видишь, — говорят, — лужа — иди, загорай и купайся». Они, оказыва-

ся, уже выполнили план. Делать нечего. В общем, посылали меня каждый день загорать. В итоге я получил раз в 10 больше, чем в Очамчире на стройке, где работал после школы.

Спустя годы Вы построили нынешнее здание Бакулевского центра, знаменитого «Дома сердца», где трудитесь полвека — с 1968 года! А в качестве директора — уже 23 года.

Видимо, строительный опыт и правда был ценным. Мы строительство не закончили. Вот недавно открыли новый детский реабилитационный центр, где проходят восстановление сотни детейшек после операций.

Знаю, что Вы и в регионах помогали организовать кардиологическую помощь.

Да, здесь сделано немало. Вспоминается такой эпизод, связанный с Грузией. Это был, по моему, 1984 год. Вызвал меня Владимир Иванович Бураковский, который был тогда директором Центра сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева, и говорит: «Слушай, в Грузии отсутствует кардиохирургия, надо им как-то помочь. Ты бы поехал, организовал, наладил». Я согласился. «Ну, — говорит, — сходи к Шеварднадзе». «А как я к нему пойду?» «Как, как? Позвонишь и пойдешь». Спрашиваю: «А телефон?» Я разыгрывал дурачка, конечно. И он говорит: «Тебя сами найдут».

В общем, прилетел я в Тбилиси, и действительно меня там встретили. На следующий день у меня состоялся разговор с Эдуардом Амвросиевичем. Он мне говорит: «Мы вас очень ценим, любим, уважаем, а когда в Грузию будете возвращаться?» И тут я понял, что мои дела плохи, потому что он был кандидатом в члены Политбюро, большая фигура. Я говорю: «Знаете, Эдуард Амвросиевич, я давно москвич, у меня жена русская, дети...» А он посмотрел на меня и сказал: «Честно говоря, Вы в Москве для Грузии делаете больше, чем если бы работали здесь». В результате мы действительно помогли им организовать кардиологическую службу на неплохом уровне.

Второй разговор на ту же тему у меня состоялся лет через десять. Не буду называть имя собеседника, скажу только, что это был высокопоставленный член церковной иерархии. Прозвучал тот же вопрос, и я ответил: «Прошу эту тему не поднимать, потому что я москвич, у меня в Москве семья». Грузины традиционно жили в Москве, у меня здесь никаких проблем нет, наоборот, ко мне хорошо относятся. Я всегда готов поехать, побывать там, люблю эти края.

➤ Самое важное, что мы сделали совместно с профессором Болдыревым, — это принципиально новый раствор для остановки сердца во время операции. Я лично провел с этим раствором более 700 операций.

А Вам пришлось избавляться от грузинского акцента или у Вас никогда этой проблемы не было?
Наверное, акцент был. Хотя по большому счету проблем с русским языком не было — я же русскую школу окончил. Но помню, меня в детстве дразнили, потому что я не мог правильно произнести звук «я», говорил «пьять».

Почему Вы выбрали своей специальностью кардиологию?

В Поти мы жили в центре города, и я считал, что если живешь в городе, то надо жить в центре, а если работаешь, то твоя специальность должна быть главной. Поступив в медицинский институт, я решил обязательно стать хирургом. Я тогда думал: как это врач будет всю жизнь только слушать и ничего не делать? А если хирургия, то должна быть главная специальность, в этом у меня сомнений не было.

Я был начитанным парнем. Например, в школьные годы прочел «Жизнь Клима Самгина», все четыре тома. Очень любил книги. Поселился я у знакомой пожилой женщины, тети Дины, на Красной Пресне. У нее была одна комната в коммунальной квартире. Спал на полу, конечно. Помню, я проходил медобследование. До этого оставалось немного времени, и я зашел в книжный магазин, где наткнулся на книгу Александра Николаевича Бакулева «Хирургия сердца». Популярная, небольшая книжка произвела на меня впечатление. Но больше всего меня удивило, что он был лауреатом Ленинской премии. Дело в том, что эти премии начали присуждать только в 1957 году, а это был 1959-й.

И вот я пришел на обследование: крепкий, здоровый парень. Врач мне говорит: «У вас все нормально. А кем вы хотите быть?» Я ответил: «Хочу быть как Бакулев!» Сейчас я это вспоминаю и смеюсь: бедному Александру Николаевичу в кошмарном сне не могло присниться, что какой-то пацан из Очамчиры, приехавший покорять Москву, скажет, что он хочет быть таким, как Бакулев.

Но ведь именно этот пацан впоследствии стал директором института, носящего имя Бакулева.

Да, представляете, какая история! Врач удивилась, почему именно Бакулев? Я объяснил, что он

лауреат Ленинской премии! А она говорит: у нас есть свой лауреат Ленинской премии, берите с него пример — Борис Васильевич Петровский.

Тожe неплохой ориентир.

Да, конечно. Мы в последние годы его жизни очень дружили. Он ко мне очень хорошо относился, прислушивался. Ну а та книжка Бакулева по большому счету сыграла в моей жизни ключевую роль.

Еще один важный эпизод был связан с изучением английского. На втором курсе я решил выучить язык на курсах при Мосгорно. Но туда не принимали студентов, и я поговорил с девушкой, которая записывала, принес ей шоколадку — и она меня записала. И очень хорошо окончил эти курсы, заговорил.

С тех пор так и говорите по-английски?

Говорю, конечно. Лекции читаю за границей. Когда я окончил курсы (абсолютное совпадение!) ко мне подошел староста хирургического кружка и говорит: «Ты вот язык освоил, теперь тебе в науку надо». Потом оказалось, что он хотел уйти, но ему сказали: «Пока не приведешь нормального парня вместо себя, мы тебя не отпустим». Он представил меня руководителю кружка: «Марина Владимировна, я привел парня что надо. Человек, мало того, что хорошо учится, еще и знает английский язык». Она спрашивает: «Это правда?» Я подтвердил. Спросила меня, буду ли я ходить в кружок, и отпустила Борю. А потом Борис Романович Гельфанд стал академиком, выдающимся реаниматологом. К сожалению, он недавно умер.

И Вы стали старостой кружка...

Да, а там была такая система — надо было помогать аспирантам, потому что лаборантов не было. Поступаешь в аспирантуру и набираешь себе студентов, которые тебе помогают, собачек готовят, наркоз дают и т.д. И я стал помощником аспиранта Георгия Эдуардовича Фальковского, который потом долгое время работал у нас в Бакулевском центре и до недавнего времени был консультантом дирекции. Но, когда он защитил диссертацию, все остановилось. Я задумался: что мне дальше делать? Поехал на Красную Пресню в библиотеку медицинской литературы, посидел

там и нашел работу на английском языке по применению повышенного барометрического давления кислорода, в том числе для операций на сердце. А через 10 лет я получил за эти исследования Ленинскую премию.

Выходит, Вы стали не только директором Бакулевского центра, но и лауреатом Ленинской премии, как Бакулев когда-то.

Да. Через 19 лет после него.

Лео Антонович, Вам принадлежат пионерские исследования по гипербарической оксигенации, Вы сделали сотни операций под повышенным давлением в барооперационной. Как Вам пришло в голову заняться этим? Ведь раньше таких работ не было.

Как я уже сказал, все началось с той статьи, которую я нашел в библиотеке. В то время в основном применялась гипотермия — охлаждение, когда можно было на 6–8 минут остановить кровообращение и сделать какую-то операцию. И тут вдруг ученые из Голландии предлагают оперировать больного под повышенным давлением, чтобы превратить организм в депо кислорода. В этом случае можно остановить сердце не на 6–8, а на 15–20 минут. Мы потом довели этот интервал почти до 40 минут. А тогда меня, еще студента, осенило: ведь я же могу взять автоклав, сделать там какие-то входы-выходы, останавливать кровообращение и смотреть, сколько минут так можно продержаться.

Это Вы сами придумали? С автоклавом?

Сам. Пришел на кафедру, а там был Толя Дронов, тоже студент, как и я. Говорю ему: «Толь, нужен автоклав». Он нашел списанный, неоформленный автоклав, и нам его отдали. Вместе со студентами второго курса я начал ставить эксперименты на собачках в Абрикосовском переулке, где находились три кафедры нашего института. Сам я был студентом четвертого или пятого курса. Они приходили, помогали, всем было очень интересно. Когда я закачивал институт, у меня было 10 печатных работ. Это очень много. И меня сразу взяли в аспирантуру, минуя ординатуру. Я написал диссертацию, сделал 235 экспериментов на собачках, показал, как получить депо кислорода. Моим оппонентом был Владимир Иванович Бураковский, именем которого назван этот комплекс. Он был тогда начинающим директором Института сердечно-сосудистой хирургии на Ленинском проспекте. Поскольку речь шла об операциях на сердце, мой учитель Владимир Васильевич Кованов позволил Бураковскому и говорит: «Есть такая рабо-

Фото: ТАСС / Михаил Метцель. Президент РФ В.В. Путин и директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева Л.А. Бокерия, награжденный орденом Александра Невского, во время церемонии вручения государственных наград в Кремле. 10 декабря 2015 г.

та, надо помочь». Кованов для него был богом, потому что он являлся ректором института, академиком. Владимир Иванович согласился, я привез ему диссертацию, он ее прочел и написал такой хвалебный отзыв, что я застеснялся и куда-то его запрятал. Сейчас жалею — не могу найти.

Почему Бураковскому так понравилась Ваша диссертация?

Потому что незадолго до этого они открыли отделение для детей до трех лет. Ведь была сумасшедшая смертность после операций. И Бураковский понял, что это тот метод, который может спасти многих. Он мне сразу предложил перейти в институт, заведовать лабораторией, и я, конечно, с радостью согласился. Но я спросил: буди ли оперировать? И получил утвердительный ответ. Бураковский выступил у меня на защите. Вторым оппонентом был тоже очень известный хирург, академик Николай Никодимович Малиновский. Он жив, ему 98 лет.

Вот это оппоненты!

Да. Две мировые величины. На кандидатской диссертации, представляете? Сейчас получить таких звезд на защиту кандидатской нереально. Приняли меня, конечно, по-разному, потому что Бураковский на каждой утренней конферен-

ции меня цитировал. Он ко мне очень тепло относился. Если он человека в 35 лет сделал заместителем директора по науке, это о чем-то говорит. Другое дело, что меня два года не утверждали.

Почему?

Там был один плохой человек в отделе кадров. Людей делил по национальному признаку. Говорил Бураковскому: «Ты что, русского парня не можешь найти?» А тот его спрашивал: «А сам ты кто?» Кадровик отвечал, что русский, хотя на самом деле он был украинцем. Владимир Иванович родился в Тбилиси, и этот человек искал здесь подоплеку, хотя ее не было.

Фото: ТАСС / Екатерина Штукина. Премьер-министр РФ Д.А. Медведев, директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева Л.А. Бокерия, министр здравоохранения РФ В.И. Скворцова, министр промышленности и торговли РФ Д.В. Мантуров во время посещения Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева. 8 июля 2016 г.

Лео Антонович, у Вас 150 патентов на изобретения. Вы одним из первых в мире стали делать одномоментные операции для коррекции врожденных и приобретенных пороков сердца. Впервые в стране сделали операцию по имплантации кардиовертера-дефибриллятора для профилактики внезапной смерти. Внедрили в клиническую практику новые методы реконструкции левого желудочка у больных с постинфарктными аневризмами сердца. Список Ваших изобретений и разработок просто огромен. Какие из них Вы бы выделили как наиболее значимые?

Вы знаете, все мои разработки имели большое значение на определенных этапах. Мы делали новые клапаны, развивали направление динамической кардиомиопластики при критической сердечной недостаточности. Начали делать такие операции, в том числе впервые в мире у детей. Спасали тех, кто раньше считался безнадежным. Мы впервые выполнили операции по полной имплантации искусственных желудочков сердца (ИЖС), в частности ИЖС «Новокор». Много было сделано. Но сейчас самое важное, мне кажется, — это то, что мы сделали совместно с профессором Болдыревым, который, к сожалению, ушел из жизни. Он был химиком, сотрудником МГУ. Мы создали принципиально новый раствор для остановки сердца во время операции. Я лично провел с этим раствором более 700 операций, и результаты не хуже, а в чем-то и лучше, чем были раньше.

В чем его преимущество?

В том, что в нем содержится карнозин, который обладает очень высоким восстановительным потенциалом, поэтому сердце быстрее заводится.

Вы получили массу престижных премий — кроме Ленинской еще две Премии Правительства РФ, Госпремию...

Получив Ленинскую премию, я потерял интерес к проблеме гипербарической оксигенации, поскольку к тому времени занимался ею уже более десяти лет. На меня стали писать анонимки: вот, мол, сорвал бутончики и дальше не хочет внедрять... Однако внедрять можно было и без меня, что и происходило в течение многих лет. В общем, мне стало скучно, тем более что оперировать мне особенно не давали. Операционная система — замкнутая. Расписание операций составляет один человек, который тебя не замечает, тебя как будто нет, хотя потом он будет говорить с тобой, как ни в чем не бывало. Я пришел к Владимиру Ивановичу и сказал, что ухожу в Первый медицинский институт (меня там и правда ждали на одной кафедре, которой я очень симпатизировал). Раз сказал, два сказал, а когда он понял, что я на самом деле хочу уйти, предложил: найди какую-то тему, и я дам тебе отделение, несмотря на то, что ты замдиректора. Будешь оперировать. И я опять засел в библиотеке на два месяца.

Насколько я понимаю, это Ваш универсальный метод — найти книгу. Или статью.

Совершенно верно. Я опять поехал в библиотеку посмотреть, что есть нового, хотя мне тогда казалось, что я все знаю. Как же, я доктор наук, лауреат!

Сейчас, наверное, Вам уже не кажется, что Вы все знаете?

Конечно, сейчас не кажется, но тогда казалось. Тем не менее, надо было искать. Тогда актуаль-

ной темой являлась аритмия сердца, в частности брадиаритмия — редкая аритмия, когда ставится стимулятор. Стимуляторы у нас были отвратительные, больные ходили с наружными стимуляторами, они у них отваливались, люди падали в обморок. Жуткое зрелище! И вот я просматриваю литературу по сердечно-сосудистой хирургии и обнаруживаю исследование по тахиаритмии, то есть аритмии с учащением ритма. В СССР этим не занимались, а в мире было всего две клиники — одна в Северной Каролине, вторая в Париже.

Я пришел к Владимиру Ивановичу и сказал, что хотел бы заниматься тахикардиями. Он сразу понял, что это очень интересно, потому что, делая операции, мы встречались с этой проблемой. Говорю, надо ехать за границу, потому что у нас литературы почти нет. Владимир Иванович пошел к министру здравоохранения Петровскому и говорит: «Борис Васильевич, тут Бокерия просит, чтобы мы его за границу послали, хочет там стимуляторы посмотреть (а я стимуляторы терпеть не мог), может, привезет стимулятор нового типа». И меня отпустили на месяц в Дьюкский госпиталь в Дареме (Северная Каролина), в святая святых, где была сделана первая в мире успешная операция на сердце с применением системной гипотермии. Возглавлял этот госпиталь выдающийся кардиохирург Дэвид Сабистон, учебник которого выдержал 19 переизданий и переведен на все языки мира.

Потом один мой товарищ, который работал на собаках, исходя из того, что мерцательная аритмия обычно локализована в левом предсердии, придумал операцию — электроизоляцию левого предсердия. Я у него спросил: «Дима, а если я сделаю такую операцию больному?» Он посмотрел на меня как на сумасшедшего и говорит: «Ну, сделай». Ему и в голову не могло прийти, что я решусь. Сначала мы практиковались на собаках, а потом я сделал удачную операцию больному. И пошло-поехало. В 1986 году мы получили Государственную премию СССР за операции при тахиаритмии.

А тот первый больной выздоровел?

Да, восстановился. Потом было много других. Раньше таким пациентам ничем помочь не могли, меняли клапан и пожизненно лечили медикаментами. Теперь-то совсем по-другому все это выглядит. Когда в 1986 году у нас все получилось, я был очень доволен, потому что аритмия встречается и при врожденных, и при приобре-

➤ Из того, что известно, мы лечим все.

тенных пороках сердца, и при ишемической болезни, которая по сей день считается самой распространенной патологией, и при сочетании этих заболеваний.

Я начал оперировать разных больных, и они стали жаловаться Бураковскому. А он им говорит: «Что вы жалуетесь, поменяют вам клапан, но аритмия-то останется. А Бокерия делает и то и другое — два в одном». А потом это направление стало бурно развиваться. У нас теперь есть и академики, которые под нашим руководством начинали, и члены-корреспонденты.

А за что Вы получили вторую Госпремию?

За лечение аневризмы восходящей аорты — очень сложная тема. Это была уже Государственная премия Российской Федерации. Потом мы получили Премия Правительства РФ за внедрение лазерных технологий, которыми пользуемся по сей день.

Там такая ситуация. У некоторых млекопитающих нет коронарных артерий. Кровь прямо из левого желудочка поступает в сосуды. А у человека и у высших животных есть коронарные сосуды: сердце сократилось — клапан закрылся, и при давлении 80 миллиметров РС кровь уходит в коронарные сосуды. Когда она идет прямо из левого желудочка, давление может быть и 130, и 180. Но изредка встречаются люди, у которых нет коронарных сосудов. Один иранский ученый, который, кстати, тоже родился в Грузии, в Тбилиси, зная этот материал, предложил использовать лазер, чтобы делать дырочки. А лазер вызывает воспаление, таким образом, получаются дырки побольше. Он приехал к нам в институт, и мы с ним долго разговаривали. Нам в то время давали кредит, я собирался покупать прибор у американцев. А иранец сказал: Россия — родина лазера, у вас есть прекрасные физики, сделайте сами! И тогда мы обратились в Институт общей физики РАН, и они нам дешево и довольно быстро все сделали. Американский прибор стоил миллион долларов, а наш 40 тысяч долларов.

И оказался не хуже?

Лучше по всем показателям! Сейчас мы пошли в этом направлении еще дальше: после лазера колем большим стволовые клетки, чтобы сосуд быстрее рос.

Лео Антонович, есть ли какие-то заболевания сердца, которые Вы еще не научились лечить, но хотелось бы?

В принципе, из того, что известно, мы лечим все.

Иначе говоря, нет таких случаев, когда Вам остается только руками развести?

Нет, таких случаев нет.

А есть ли такие вещи, которые Вам бы хотелось сделать? Может быть, интересная идея, которую хочется воплотить?

Есть. Но пока не буду об этом говорить.

Лео Антонович, сейчас есть тенденция, чтобы люди после 65 освобождали руководящие должности в НИИ. Как Вам в свои 78 удалось этого избежать?

История такая. В ноябре 2014 года должны были состояться выборы директора, а в декабре мне исполнялось 75 лет. В тот период мы были в составе ФАНО. Руководитель ФАНО Михаил Михайлович Котюков вызвал меня и сказал: «Мы бы хотели Вам предложить продолжить работать». Я с благодарностью согласился. Состоялись выборы, которые впервые проходили с участием всего коллектива. Раньше ученый совет избирал, а тут была настоящая демократия. Присутствовали все наши нянечки, санитарочки, которым впервые дали возможность высказаться, спросили их мнение. Народу была тьма. Я получил 96 процентов.

Грандиозно. Хотя все-таки 4 процента были против...

Да, там был еще один кандидат. Но все равно — цифра впечатляет. А потом нас перевели из ФАНО в Минздрав, и, согласно российскому законодательству, эти пять лет, на которые меня выбрали, я смогу продолжать работать, если, конечно, буду жив или не случится чего-то непредвиденного.

Лео Антонович, а Вам удастся сохранять здоровье сердца и сосудов?

Не жалуюсь.

Без операций?

Без.

Вы проходите обследования?

Один раз я прошел обследование. Мне сделали компьютерную томографию, и я порадовался, что у меня маленькое сердце. Несмотря на то, что я играл в футбол, были большие перегрузки, оно как-то сохранилось.

➤ Для меня сердце — объект любви. Каждый раз, когда я его вижу, испытываю восторг, потому что ничего совершеннее природа не создала.

А сосуды? Они страдают, особенно у хирургов, которые много работают стоя. Каким образом Вам удалось избежать профессиональных заболеваний? Или это хорошая генетика?

Знаете, при предыдущем президенте Грузии весь государственный архив был оцифрован. Из него я почерпнул сведения о своих предках — отце Антонии Ивановиче, деде Иване Евфимовиче и бабушке Софии Ивановне. Все они были дворянами, но долгожителей среди них не было, продолжительность жизни не превышала 60 лет.

Немного.

Папа скоропостижно скончался в 42 года, мама умерла, не дожив до 65 лет, от очень тяжелого инфаркта миокарда с отрывом капиллярной мышцы. С другой стороны, мои старшие сестры живы-здоровы. Поэтому я не могу давать советы по поводу того, как сохранить здоровье.

Ну, а здоровый образ жизни?

Думаю, это важно. Я стараюсь всегда быть в хорошем настроении. Вот вижу красивую женщину — и настроение улучшается. Кстати, что Вы вечером делаете?

Знаю, что Вы своеобразно питаетесь — ничего не едите целый день, а потом как следует наедаетесь.

Да, это правда. Утром почти не завтракаю. Последние года три ем черный шоколад 99%, он меня прекрасно поддерживает, повышает работоспособность, избавляет от чувства голода. Я прихожу, скажем, после четырех-пяти операций, сажусь в кресло и съедаю треть плитки шоколада, заодно новости в газетах просматриваю. И через 15 минут становлюсь совершенно другим человеком, появляются силы и желание идти к людям. А ведь тут толпа народу, все ждут меня.

Лео Антонович, очень важная тема — «Лига здоровья нации», которую Вы возглавляете. Недавно этой организации исполнилось 15 лет. Как я понимаю, Вы постепенно пришли к выводу о том, что научиться оперировать любые

кардиологические патологии — это здорово, но куда важнее их не допускать, и занялись профилактикой. Я права?

Да. Но вообще я ничего не придумывал.

Серьезно? Вот это откровение! А мне казалось, Вы столько всего придумали.

Нет. Не хочу себе ничего приписывать. Была группа людей, которые хотели создать подобную организацию. Меня уговаривали поучаствовать, но я отнесся к этому без энтузиазма. Так продолжалось довольно долго. Наконец, позвонил Юрий Шевченко, который тогда был министром. У нас с ним, во-первых, одинаковая специальность, а во-вторых, особые отношения — он крестный отец моих внуков. Он позвонил и говорит: «Надо в числе других подписать обращение к нации». А там известные артисты, ученые, спортсмены. Ну, я и подписал, таким образом, став соучастником проекта. Потом опять позвонил Юрий Леонидович и стал настойчиво предлагать мне возглавить это дело. Я много оперировал, и понятно, что мне это было ни к чему. Но он так настаивал, что пришлось согласиться. В Кремлевском дворце состоялся учредительный съезд. Мне выделили шесть вице-президентов: по спорту — Ирочка Роднина, по культуре — Елена Проклова. Дали двух вице-президентов, которые должны были помогать финансово — имена очень известные, но они потом ушли, ни разу не дав денег, тем не менее мы по-прежнему дружим. На съезде в Кремле присутствовал председатель Госдумы, был роскошный концерт, а через день вижу — вообще никого нет. Звоню одному — он в командировке, звоню другому — он занят. И тут я понял, что меня, откровенно говоря, кинули. А я так не привык, для меня это трагедия.

Если взял на себя какую-то ответственность... Тем более в таком масштабе. Но потом люди появились — один человек, другой, третий — и дело пошло. На данный момент сделано немало. Мы проводим очень важное мероприятие — форум «Здоровье нации — основа процветания России» и одновременно выставку медицинского оборудования, полезных продуктов, люди знакомятся, обмениваются опытом. Здесь же можно получить консультацию врача, реальные практические рекомендации. Мы также проводим спортивные мероприятия по всей стране. «Лига здоровья нации» по-настоящему встала на ноги, когда стала грантооператором президента. Мы распределяли гранты в области здоровья, а какое-то время и в области экологии.

Фото: Фотобанк Лори / Юрий Пирогов. Кардиохирург Л.А. Бокерия и певец И.Д. Кобзон на VIII Всероссийском форуме «Здоровье нации — основа процветания России». 2014 г.

Второе — это, конечно, наша регулярная акция «Волна здоровья», в ходе которой врачи разных специальностей ездят по стране и бесплатно принимают людей: приезжают московские врачи из ведущих научно-практических центров, привозят новейшее оборудование. Татьяна Алексеевна Голикова как-то сказала мне, что больше всего позитивных отзывов было именно о «Волне здоровья». Первый раз ездили только специалисты из Бакулевского центра, а потом подтянулись многие другие. Более того, мы устраиваем больных на лечение, оперируем. Есть немало других мероприятий, обо всем не расскажешь.

Лео Антонович, принято считать, что сердце — средоточие любви. Как Вы к этому относитесь?

Во многом так и есть. Сердце и сосуды изнашиваются от неправильного образа жизни, от вредных привычек, от неподвижности, от стрессов, от негативного отношения к жизни и людям. А если говорить в целом — от неумения любить жизнь. Тот, кто по-настоящему любит жизнь, меньше болеет, в том числе сердечно-сосудистыми заболеваниями. Любовь — это ведь не жажда потребления, это радость самоотдачи. Для меня же сердце — еще и объект любви. На мой взгляд, нет ничего прекраснее этого органа. Каждый раз, когда я его вижу, испытываю восторг, потому что ничего совершеннее природа не создала.

ЭЭ

ПЭС 18110 / 05.07.2018